

в одной повести («Летучие листочки, или Тайные записки светской дамы»), не добившись возвращения героини к добродетели, наказывает ее, в другой же («Обе школы, или Свет и уединение») он достигает цели — героиня спасена.

Обращение Измайлова к образу Грандисона, на наш взгляд, обусловлено появлением в его повестях «отрицательных» героев в качестве главных. Автор вслед за Карамзиным проявил интерес к психологии «отрицательного» героя, попытался дать ее социальную мотивировку. С другой же стороны, он проявляет себя как идеалист, вводя в повести образы, близкие образу Грандисона.

Измайлов несомненно знал как положительные, так и отрицательные отзывы европейской критики об образе Грандисона, в которых отмечалось, что постоянное совершенство делает образ скучным. Для самого же Измайлова, жившего идеей воспитания через просвещение и отводившего в этом особую роль роману и повести, образ Грандисона не представлялся скучным, напротив, он был идеальным образцом для воспитания молодого человека. Не случайно как бы в защиту этого образа Измайлов выбирает для перевода отрывок «из иностранного журнала», в котором звучит обличительная речь в адрес «света»: «Свет есть подозрительный тиран; для него ненавистно все, что выше обыкновенной меры <...> Не поставляют ли в порок Ричардсону постоянного совершенства в характере его Грандиссона? А Грандиссон есть только герой романа: публика обличила себя невольным образом».²³

Большое нравственное значение придавал образу Грандисона и Карамзин. В статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» он писал: «Кто начинает „Злосчастливым дворянином“, нередко доходит до Грандисона».²⁴ О той высокой роли, которую Карамзин отводил образу Грандисона, говорит и тот показательный факт, что в первоначальном тексте статьи читатель «доходит до чтения „Новой Элоизы“». В поздней же редакции Карамзин заменяет роман Руссо «Грандисоном» Ричардсона.²⁵

Суждения о другом, более ярком и противоречивом, образе Ричардсона — Ловласе находим в статье «О новой Элоизе», представленной как «Письмо Россиянки», помещенной Измайловым в издаваемом им «Вестнике Европы». Статья имела определенную цель — защитить роман Руссо от нападок некоторых европейских критиков, указывавших на отсутствие в нем «моральной цели». Для доказательства обратного автор проводит параллели между «Клариссой» Ричардсона и «Новой Элоизой» Руссо, и, находя идейное сходство этих романов, апеллирует к авторитету Ричардсона: «Из новой Элоизы можно вывести то же нравоучение, какое мы извлекаем из Ричардсоновой Клариссы. . .»²⁶ Основную идею этих романов автор видит в том, что добродетельная женщина в «опаснейшей из страстей человеческих» (любовь) «не должна верить ни уму, ни сердцу»,

²³ О вежливости нравов // Вестник Европы 1814 № 24 С 332–333

²⁴ Вестник Европы 1802 № 9 С 44

²⁵ Кочеткова Н. Д. Середина 1780-х годов — 1800 сентиментализм // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь XVIII век СПб., 1995 Т 1 С 262

²⁶ Вестник Европы 1814 № 9 С 44